

## Макаренко, которого всем нам необходимо знать

**Валентина ПОСТОВАЛОВА**, заместитель директора Кудиновской школы по производственному обучению

**В периоды социальных катаклизмов наибольшие потери несут дети, подростки, молодёжь. Десятки ребят — бывших учеников школ и профучилищ Калужской области — оказались буквально «на улице». Как сложилась бы их судьба — предсказать нетрудно. Но, к счастью, есть ещё в нашей среде люди бескорыстные, творческие, ответственные. В Кудиновском сельском центре образования подросткам предоставили возможность получить и профессии, и закончить школу. Об этом опыте — предлагаемая вам статья.**

Сентябрь, октябрь пролетели, как вихрь. Вот и вторая четверть заканчивается. Думала, что можно и дух перевести. Не получается. В школе дух переводить некогда. Школьная машина работает в режиме non stop! Тем не менее стараюсь посмотреть, перелистать, а кое-что и прочитать из педагогической периодики. Жаль, что нет возможности прочитать всё то, на что «глаз пал». Но вот прочитала в двух выпусках «Народного образования» (№ 5 и 6 за этот год) прекрасные статьи доктора педагогических наук, профессора Валентина Кумарина «Макаренко, которого мы никогда не знали, или Куда реформировать школу» и публициста Андрея Нуйкина «Страсти по Макаренко». Прочитала раз, второй — с карандашом в руках и со взволнованно бьющимся сердцем. Хотела тут же написать В. Кумарину, поблагодарить, да вот не успела. Пока думала да раскачивалась, и седьмой номер журнала пришёл. А в нём — некролог. Огорчена, расстроена. Спасибо, журнал, за добрые слова памяти об этом прекрасном человеке и настоящем учёном...

Думаю сегодня о том, как донести глубокие мысли этой статьи до каждого учителя? Сделать это надо не только ради юбилея А.С. Макаренко (115 лет со дня рождения), а для детей, для школы, для страны. Ведь и сегодня великий педагог не устарел, ибо «...кто, когда и где, включая ближнее и дальнее зарубежье, воспитывал и учил детей лучше, чем Макаренко?» (В. Кумарин). И «история не зафиксировала больше ни одного случая такого педагогического могущества, которое позволяло с полным правом провозглашать, что воспитание молодёжи — дело лёгкое и радостное». «И вот мы, граждане и педагоги той страны, где работал А.С. Макаренко, не только не пытаемся хоть что-то взять из великого наследия, но даже и не вспоминаем имя гения в педагогике, который пытался улучшить человеческую породу» (это уже А. Нуйкин).

В одном не согласна я с публицистом: мы не забыли имя великого педагога. И очень хотели бы принять участие в конкурсе его имени.

«Мы» — это коллектив Центра образования села Кудиново, что на Калужской земле. Появился наш центр на базе бывшего сельского УПК. Сейчас эту аббревиатуру уже надо пояснить: это учебно-производственный комбинат, в котором в недавнем прошлом занимались старшекласники из пяти близлежащих сельских школ. Готовили здесь доярок, механизаторов, электриков, токарей и слесарей, водителей автотранспортных средств. Словом, грамотные кадры для сельского хозяйства. Материальная база УПК была отличная: гаражи, мастерские, цехи с прекрасным оборудованием. Был свой лагерь труда и отдыха. Базовые хозяйства финансировали комбинат. Даже платили зарплату мастерам-производственникам.

И вот всё рухнуло. Не устояли и УПК — почти все разорены. Наш комбинат уцелел. Началась борьба за выживание, благо недвижимостью за комбинатом сохранилась. Но... не стало учеников. Школы перестали выделять день для занятий на комбинате. Никто и не обязывал их это делать. О трудовом обучении и воспитании школы словно забыли. И всё под флагом демократии — свобода: хочу — учусь, хочу — баклуши бью...

Вот в эти-то годы и потянулись к нам ребята из города Малоярославца. Подростки, оказавшиеся не у дел. Ничейные. Из школы их «выдавили» за слабую успеваемость, на работу не

берут — нет профессии. Эдакие маловозрастные люмпены. У кого-то из них семь классов за спиной, у других и того меньше. А одна девушка пришла в швейный цех, и выяснилось, что она не умеет ни читать, ни писать... Нет у неё даже начального образования. Каким-то путём узнали эти ребята, что в Кудинове можно научиться шить, получить права тракториста, шофёра. На свой страх и риск стали мы принимать этих детей. Набрали полулегальные группы, назвав их «спецклассами». Они — ничейные. Учили их бесплатно, постоянно «подкармливали». Отчёта за них никто с нас не спрашивал, естественно, и уроки мастерам не оплачивались. Учили за счёт ставок мастеров. Мы постоянно были на грани закрытия.

Но вскоре в городе забили тревогу по поводу детской и подростковой преступности. Милиция очень скоро оценила возможности нашего училища. Мы ей, милиции, стали необходимы. Возможно, со временем нас бы реорганизовали или закрыли бы, но на улице оказались школьники уже средних классов...

В 1994 году я была на курсах в Москве, в Республиканском институте повышения квалификации работников образования по проблемам инновационных процессов в трудовом и профессиональном обучении. Со всех уголков России собрались люди с одной общей болью — как сохранить трудовое обучение и воспитание в школах? Как дальше действовать сохранившимся ещё УПК? Получили «научно-практическое» напутствие — приспособляться к местным условиям: сдавайте площади в аренду, открывайте платные услуги. В городах приспособились быстро. Сдал туалет в аренду — за это ремонт всего здания, открыл платные курсы для поступающих в вузы — вот и зарплата.

А нам в деревне что делать? И решили мы тогда открыть в нашем УПК общеобразовательные классы: 7–9-е. А после окончания девятого класса при желании можно получить и профессию. Всё бы хорошо, но дети не деревенские, а городские. Их утром собрать и привезти надо за 17 километров, а после занятий отвезти. Да и накормить, и приласкать надо. Столовой нет, как нет и денег на питание. Роно тогда, к счастью, идею поддержало, администрация района деньги на горючее выделила, здание детского сада под классы приспособили. Так появился в Кудинове Центр образования...

Контингент всё тот же — дети переселенцев, из неблагополучных семей, по направлению из комиссии по делам несовершеннолетних. Недостатка в учениках нет, ввели классы компенсирующего обучения. Всех желающих, ясно, принять не можем.

Кроме этих классов, сохранили и наши трудовые «спецклассы», теперь уже на вполне легальных условиях. Готовим трактористов, шофёров, швей-мотористок, секретарей-делопроизводителей, операторов ЭВМ. С них берём плату по 1000 рублей. Мастерам из этих денег не выделяем ни копейки. Всё идёт на поддержание техники, на приобретение горюче-смазочных материалов. Мастера не робзнут, работают в две смены. По две тысячи зарабатывают — большие деньги для нас. Я как завуч по производственному обучению получаю ставку завуча по воспитательной работе. Нет в штатном расписании школ завуча по производственному обучению! В связи с этим вспоминаю эпизод из не очень далёкого прошлого. Когда-то в школах была ставка конюха. В каждой сельской школе — лошадка и человек при ней для разных хозяйственных дел. Жизнь улучшалась, появились в школах машины, лошадки исчезли, а вот в штатном расписании ещё много лет сохранялась ставка конюха. И шофера получали «конюхскую» зарплату. Так что наша бюрократическая машина вертеться как не спешила, так и не спешит.

Занимаются у нас и школьники 10–11-х классов их двух соседних сельских школ и из 2-й городской. Они тоже получают профессию по желанию. Сегодня в центре 20 учебных групп — 230 человек. Вспоминаю, как отлынивали прежде ребята от занятий в УПК. Но что-то изменилось в их настроении в последние годы. В общеобразовательных классах учащиеся заговорили, стали учиться, стали читать. Да, да. Мы рады безмерно тому, что они отвечают на уроках, участвуют в праздниках. Возвращается интерес к книге.

Судьба этих ребят, которых в школе сначала задавили двойками, а потом выгнали за порог, в который раз убедила нас в правоте и подлинной гуманности педагогической системы А.С. Макаренко. Нельзя от всех детей требовать знаний, умений, навыков на уровне пресло-

в этого «образовательного стандарта». Не впишешь всех ребят в эти рамки — разные они, ребята! Наши питомцы прекрасно работают руками, любят мастерить. Труд стал для них лучшим воспитателем нравственных качеств, воли, целеустремлённости. Никакие словесные «проповеди» не сравнятся с мощным воздействием труда на человека. Подростки участвуют в экологических акциях — охраняют природу, кормят птиц, делают скворечники. Мы видим, как расширяется круг их интересов, — вот итог трудового обучения. Если что-то начинаешь делать, непременно что-то надо узнавать, чтобы дело спорилось...

Мы настолько стали уверены в своих учениках, что посылаем их на различные конкурсы, связанные с трудовым мастерством, — как на районные, так и на областные. А учителя наши принимают участие в конкурсе «Учитель года».

И всё же видим, что наших ребят надо в первую очередь накормить, потом лечить, а уж потом учить. Но с нас требуют знаний по всем программным предметам. Работники отдела образования проверяют теперь наш центр по всем правилам инспекторских проверок: срезы знаний, контрольные, экзамены. Всё, как у людей. Только что закончилась такая проверка. Как тут не вспомнить нашего великого предшественника А.С. Макаренко: «Если мало способностей, то требовать отличную учёбу не только бесполезно, но и преступно. Нельзя насильно заставить хорошо учиться. Это может привести к трагическим последствиям». Однако чиновники от образования и сегодня, как и во времена Макаренко, рьяно выполняют свои функции, проверяют «сумму знаний», хотя прекрасно знают уровень этих знаний и цену этой «суммы»...

Мы выдержали и эту проверку, выдержим и другие. Провели семинар по технологии. Хороший семинар, дельный. В центр приехали все 25 преподавателей технологии школ района. Конечно, на фоне общей нищеты сельских школ у нас есть, что посмотреть, есть, чему поучиться. Поэтому и отзывы о семинаре — самые положительные.

С желанием стали ездить в центр и городские школьники. Только из 2-й школы у нас занимаются уже 105 человек. Некоторые ученики пожелали получить два профиля. Заниматься у нас выгодно, профессии все востребованы.

Но самые, на мой взгляд, примечательные изменения произошли со спецклассами. Это те же ребята из компенсирующих классов, только постарше — 16–17 лет. Все — из неблагополучных семей. Платить за учёбу нечем. Наш центр — победитель конкурса на размещение заказов по профессиональной подготовке, повышению квалификации безработных и занятых граждан. Поэтому районный центр занятости населения направляет к нам шестнадцатилетних безработных на учёбу, оплачивая её и давая ребятам стипендию. Словом, контингент наших учащихся — один к одному «макаренковский». И нам (да, и не только нам, в этом я уверена) очень нужно знать не «отдельные изюминки» его методики трудового воспитания, воспитания коллектива, а его систему во всей её целостности. Прав Валентин Кумарин: мы ещё не освоили её, не осмыслили опыт нашего великого соотечественника, не знаем его... Доброе дело сделал журнал «Народное образование», объявив конкурс им. А.С. Макаренко.

Под каждым словом статьи В. Кумарина могу подписаться, кроме одного: восторгов по поводу немецкой педагогики вальдорфской школы. Почему я не приемлю её? Побывала в московской вальдорфской школе № 1060, у которой нынче юбилей. Многим восхитилась, особенно платой за учёбу. Но на русской земле, в русском государстве, где учатся дети нашей страны, нет русского духа, не пахнет Русью... А мы дебаты разводим о воспитании, о патриотизме, о любви к Родине, к России. Не нашлось в этой школе места ни русской сказке (дескать, сказки русские лень воспитывают), ни русской иконе, ни русской песне. Пришлось поговорить с учителями и с некоторыми родителями. Их имение: детский сад, начальная школа — это хорошо. А 10–11-е классы будут заканчивать в обычных школах.

Великий педагог воспитывал граждан своей страны, людей деловых, мастеровитых, умеющих считать деньги и создавать себе достойную жизнь. Это макаренковское умение нужно нам сегодня, как никогда. Ибо не только школы и ученики, но и учителя, каждая семья нуждаются в умении вести дело, обеспечить себе нормальные условия существования.

...Давно знаю семью своих коллег из соседней деревни Панское. Жена Елена Николаевна

Борисова (42 года) — директор школы, муж Вячеслав Васильевич (48 лет) — учитель физики. Но это — по диплому. В жизни он сегодня — учитель физкультуры, технологии, черчения. Ведёт 29 часов, да ещё кружки, внеклассную работу. А ещё — оператор котельной, электрик, столяр, плотник, каменщик, подсобный рабочий. За все виды деятельности получает «приличную зарплату» — аж 2100 рублей. Стаж работы в школе 20 лет. Из них более 10 лет был директором школы. Нуждается в лечении, а денег на это нет... Старший сын Денис учился в Калужском педагогическом университете, на инженерно-педагогическом факультете. Закончил ещё художественное училище в Тарусе, имеет диплом художника, мастера резьбы и росписи по дереву. Закончил также музыкальную школу по классу фортепьяно, играет на гитаре, поёт, сочиняет стихи. А ещё любит путешествия, походы всей семьёй на велосипедах, на байдарках, пешком. Вот бы такого учителя в школу — цены бы ему не было! Думали, что он не придёт работать в школу. Он художник, на мольберте — незаконченное полотно, на стене — большой портрет мамы (подарок к дню рождения). Денис обувал и одевал себя сам — продавал картины на Крымском валу в Москве. Но... Окончил университет и пришёл в родную школу, вернулся в родное село.

Антон (родители нарекли его в честь Антона Семёновича Макаренко) — студент Московского педагогического университета им. В.И. Ленина, художественно-графического факультета. Закончил художественную школу в г. Малоярославце, среднюю школу — с серебряной медалью. Играет на гитаре, поёт, пишет стихи. Дождётся ли его сегодняшняя сельская школа?

Николай в армии, служит в Ростове-на-Дону (Чечня — на горизонте). Образование полное среднее, техническое училище (шофёр), музыкальная школа по классу баяна. Пишет стихи. Василию — 11 лет (в 6-м классе), Сергею — 4 года.

Учительская многодетная семья — не совсем нынче обычно. Дети — главное богатство Вячеслава Васильевича и Елены Николаевны. Впрочем, много родить — не проблема. Как говаривал классик: «Чтобы иметь детей — кому ума не доставало?» Проблема — как их воспитать и прокормить? Воспитанию в этой семье можно позавидовать. Работающие, мотивированные растут у Борисовых дети. В деревне, кроме школы-десятилетки, других очагов культуры нет. Нет даже захудалого клуба. До районного центра — 15 километров. В музыкальную и художественную школы мальчики ездили самостоятельно на рейсовом автобусе в свободное от уроков время.

Первые три года по приезде в Панскую школу учительская семья с тремя детьми жила в пришкольном интернате — две крошечные комнатки, электроплита, санузел. Спасибо, колхоз выделил участок под картошку. Рядом с этим участком Вячеслав Васильевич присмотрел дом — заброшенный, полуразрушенный, в котором прежде жила доярка, но по причине непригодности жилья ей дали квартиру. Три года добивались Борисовы, чтобы купить эту хилую «недвижимость». Наконец, стали её владельцами. Перебрали полы, убрали печку, провели отопление, сделали пристройку — ванную комнату, котёл, канализацию. Словом, все блага цивилизации. Влезли в долги, несмотря на хозяйские золотые руки главы семьи и его сыновей. Покупали только стройматериалы. Все виды работ выполняли сами.

Прошли годы. В семье появилось пополнение. Детей надо учить и кормить. Завели корову, потом другую. Участок под картошку и овощи увеличился до 47 соток. А ветхий дом разваливается на глазах. Полы перебирали несколько раз. Нижние венцы сруба прогнили, промазанные глиной пазы тепла не держат. Пообещали выделить им новое жильё, но обещанного, как известно, долго ждут: в доме, который им выделен, построили только стены да крышу.

Вячеслав Васильевич планирует: «Летом, во время отпуска, пойдём с ребятами на калым. Будем дачи строить московским дачникам. Поработаем, а потом и за свой коттедж примемся. Переедем, обоснуемся, я зубы вставлю... Вот бы ссуду льготную получить...»

Когда я думаю об этой семье, мне становится горько за этих совестливых учителей. Они ничего не требуют, не просят, говорят: «Мы сами всё сделаем». Но реально ли директору школы на свою зарплату достроить себе жильё, доучить детей, обставить дом? Да просто

нормально питаться?

Живут, из долгов не вылезают. Но не жалуются.

Вот бюджет семьи:

— зарплата учителя, главы семейства — 2100 руб.;

— зарплата директора школы — 2000 руб.;

— стипендия Дениса — 180 руб.;

— стипендия Антона — 250 руб.

Итого: 4430 руб.

Есть ещё пособия на детей, но их не платят.

А вот расходы семьи:

— баллон газа на месяц — 175 руб.;

— дрова для котла — 500 руб.;

— плата за детский сад — 130 руб.;

— плата за свет — 30 руб.;

— общежитие Антона — 100 руб.;

— квартира Дениса — 150 руб.

Итого: 1085 руб.

Остальное — 3345руб. — на питание и одежду для пятерых членов семьи.

Забота о хлебе насущном не вытеснила их увлечения, не снизила интересы. Все занимаются спортом, ходят летом в походы — костёр, гитара, песни.

Петь эта семья любит и умеет. Впервые мы, учителя района, услышали дуэт Вячеслава и Елены лет десять назад на августовском совещании. Тогда же узнали, что эта молодая симпатичная пара имеет четырёх сыновей. С тех пор жизнь страны, общества перевернулась с ног на голову. А они остались верны себе — повзрослели, утвердились и не изменили своим принципам и своей профессии. Идеи А.С. Макаренко не на словах, а на деле осуществляют и в школе, и дома. Главное в их человеческой позиции — надежда на себя, на свой труд, умение трудиться, находить варианты собственной «социальной защиты», а не ждать подачек от нашего нищего государства.

Так что Макаренко сегодня для нас — не история, а самая что ни на есть актуальная современность. И если мы ещё не знаем подлинного Макаренко, то должны его узнать. Это наш профессиональный и гражданский долг. Без этого не смогут школы выпускать из своих стен полноценного трудового человека.

*Малоярославецкий район Калужской области*